

УДК: 930.1

А.М. ЕРЕМЕНКО

КРАТКОЕ И ЯСНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ НОВОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Еременко Александр Михайлович – профессор кафедры мировой философии и эстетики Восточноукраинского национального университета имени В. И. Даля, доктор философских наук

Показывается возможность эйдетического осмысления структуры исторического процесса. Обосновывается значительный методологический и эвристический потенциал категории «событие».

Ключевые слова: история, событие, структура, событие.

Показується можливість ейдетичного осмислення структури історичного процесу. Обґрунтовується значний методологічний та евристичний потенціал категорії «подія».

Ключові слова: історія, подія, структура, подія.

The possibility of eidetic comprehension of the historical event's structure is shown. The substantial heuristic potential of the category «eventeme» is grounded.

Key words: history, event, structure, eventeme.

© А.М. Еременко, 2012

На наш взгляд, философы и ученые, занимающиеся осмыслением закономерностей человеческой истории, зачастую осуществляют трудноуловимую подмену предмета исследования. Вместо того чтобы анализировать именно историю, историю как поток событий, они анализируют устройство общества. Но общество и история общества есть вещи, хотя и взаимосвязанные, но все же не тождественные. Общество – это одно, история – другое.

Попытаемся объяснить это на примере. Предположим, нас интересуют закономерности протекания человеческой жизни. Нас интересует то, что называется «судьбой» человека. Разумеется, никакой жизненной судьбы не будет без человека. Предположим, мы начнем анализировать человека как социально-биологическое существо. Тогда мы должны рассмотреть устройство его организма, взаимосвязь органов и подсистем, различные обменные процессы в его организме и т.п. Мы также должны рассмотреть, как устроено его сознание, включающее в себя мысли, эмоции, стремления, ценности, понимание определенных моральных и правовых норм, жизненные цели, веру и т.п. Будет ли это означать, что мы проанализировали судьбу данного человека? Ни в коей мере! Человек состоит из органов и систем органов. Но судьба человека не состоит из органов: она не состоит из мозга, сердца, желудка, печени и т.п. В конечном счете, человек состоит из атомов. Но судьба человека не состоит из атомов. И если сказать, что человек как социальное существо «состоит» из мыслей, эмоций, ценностей и т.п., то не совсем верно будет сказать, что его судьба «состоит» из мыслей, эмоций, ценностей, хотя она, безусловно, включает в себя все эти компоненты. Из чего же состоит судьба данного человека? В первую очередь из поступков и иного рода действий, из состояний и длительных процессов, распределенных по временной шкале жизни человека. Она состоит из детства, отрочества, юности, зрелости, старости. Она

состоит из воспитания, учебы, дружбы, работы, карьеры, отдыха, развлечений, встреч и расставаний, любви, разочарований, воспитания детей, ухода за родителями и т. д., и т. п. И, в конце концов, она состоит из рождения и смерти.

Если мы применим этот подход к обществу и истории, то получим следующее. Общество состоит из различных социальных институтов, подсистем: из социального устройства, политической и правовой системы, из экономических отношений, из религиозных, культурных, образовательных учреждений, из различного рода норм и способов нормативной регуляции, из различного рода больших и малых групп, в конце концов, из индивидов, из интересов, ценностей, верований и идеалов этих групп и индивидов и т. п. Коротко говоря, общество состоит из того, что в современной теоретической социологии принято называть «структурами». История же данного общества состоит из войн, революций, социальных и религиозных реформ, из изменений законодательства и изменений способа производства, смены хозяйственных укладов, из основания, роста и разрушения городов, из различного рода изобретений, научных открытий, достижений в сфере искусства, из изменений в образе мыслей и в образе жизни и т. д., и т. п.

Могут сказать: «Человек и его жизнь неразрывно взаимосвязаны. Нельзя правильно понять закономерности протекания человеческой жизни, не изучая устройство самого человека как биологическое, так и социально-психологическое, то есть «устройство» его сознания, его, если угодно, души». Но «быть взаимосвязанным» и «быть тождественным» -- разные вещи. Закономерности событийного протекания человеческой жизни отчасти зависят от закономерностей устройства человека как социально-биологического существа, отчасти же имеют собственную природу. И закономерности событийного протекания истории данного общества отчасти зависят от закономерностей устройства данного общества, а отчасти имеют собственную

природу. Должны быть найдены собственно исторические закономерности, исторические в узком смысле слова, закономерности истории как таковой. Основным «кирпичиком» исторического процесса, по нашему мнению, является событие. Историческое событие -- это изменение либо общества в целом, либо того или иного элемента социальной жизни, вызванное человеческими действиями и обладающее такими характеристиками, как относительная самостоятельность в потоке изменений, целостность и значимость. Наиболее важной характеристикой события является значимость или значительность. Сразу бросается в глаза, что данный критерий является не только наиболее важным в понимании сущности события, но и наиболее неопределенным. Начиная с какой степени изменения общественной жизни, можно говорить, что произошло именно историческое событие? Пока что историки отличают значимое от незначимого, опираясь, главным образом, на свою интуицию. В будущем было бы целесообразно установить более четкие критерии значимости событий.

Вопрос этот осложняется тем, что в ходе истории значимость событий, как правило, меняется. Следствия событий растягиваются во времени таким образом, что событие, на которое современники почти не обратили внимания, может оказаться решающим для судеб многих миллионов людей, а событие, вокруг которого устроили шумиху, может постепенно практически полностью угаснуть в своих последствиях. Когда в августе 1620 г. фрегат «Мэйфлауэр» с сотней пассажиров на борту устремил свой бег из плимутской гавани к берегам Нового Света, в Европе полыхала Тридцатилетняя война. На ее фоне путешествие небольшого фрегата выглядело довольно невзрачно. Но следствием этого путешествия в конце концов оказалось образование Соединенных Штатов Америки. Здесь хотелось бы предварить возможный упрек в упрощенчестве. Разумеется, Соединенные Штаты образовались отнюдь не только благодаря высадке «отцов-основателей» в бухте у Лесистого мыса. Роль этого события весьма преувеличена и мифологизирована. Но сам факт мифологизации весьма примечателен. Мифологизируются, как правило, именно те события, которые воспринимаются данной социальной общностью как чрезвычайно важные, иногда – как основополагающие. Становление Соединенных Штатов, конечно же, представляет собой длительный и многофакторный исторический процесс. Но невозможно отрицать знаковый характер путешествия на «Мэйфлауэре» в рамках этого процесса.

События осуществляют люди. События вытекают из предшествующих социальных условий. При этом они изменяют условия. После произошедшего события и вследствие него прежние условия трансформируются в новые условия. Таким образом, социальные условия представляют собой «кристаллизацию» событий. Необходимо уметь за всяким социальным условием видеть предшествующую событийность. Подобно тому, как вздымающийся среди горной гряды вулкан образован многократными извержениями магмы и

представляет собой многочисленные напластования застывшей лавы, также и любой социальный институт образован предшествующими событиями и представляет собой «застывшую» деятельность прошлых поколений. Мы видим, что в целом структуру исторического процесса составляют разнообразные комбинации трех основных элементов: человека, событий и условий. История есть поток событий, осуществляемых людьми, действующими в определенных условиях.

Фундаментальной причиной осуществления исторических событий является неудовлетворенность человека существующими условиями его жизни. Всякое событие есть, с одной стороны, следствие противоречия человека и Мира, с другой – попытка разрешить это противоречие. Если бы все люди были полностью удовлетворены условиями своей жизни, никто не стал бы осуществлять события. И такое состояние означало бы «конец истории». Может ли наступить такое состояние и может ли оно длиться достаточно долго? Очевидно, что, по зрелому размышлению, мы вынуждены будем на оба вопроса ответить отрицательно. Если недовольство жизнью на бытовом уровне приобретает форму неудовлетворенности социальным порядком в более широком контексте, то оно оказывается мощным психологическим фактором продуцирования событий. Можно сказать, что неудовлетворенность существующим положением дел является глубинной основой историчности человека. Само дление истории есть проявление неудовлетворенности человека Миром. В конечном счете, история «происходит» потому, что наш мир не есть лучший из возможных миров, человек не есть лучшее из возможных разумных существ, а человеческое общество не есть лучшее из возможных социальных организаций разумных существ. История есть стремление несовершенного существа к совершенству путем событийствования.

Если перейти на метафизический уровень осмысления сущности события, то следует признать, что фундаментальным онтологическим основанием событийности является гетерогенность сущего. Здесь мы оттолкнемся от некоторых положений учения о событии Ж.-Л. Нанси.

Согласно Нанси, онтологической основой события является принципиальная множественность сущих. По его мнению, «то, что существует... со-существует постольку, поскольку существует [3, 56]. Поэтому говорить о «единственном сущем» значит допускать терминологическое противоречие. «Множественность сущего лежит в основании бытия» [3, 31]. Отсюда Нанси выводит чрезвычайно важное положение о рассогласовании между бытием и сущим как онтологической основе событийности [2, 255]. Истиной бытия является его «рассогласование», обнаруживающееся как разногласие, диспут, конфликт, разделение [2, 255-256]. Именно это рассогласование–разногласие побуждает актанта совершать событийный скачок. Можно сказать, что у Нанси со-бытие порождает событие. В конечном счете, само наличие множества «рассогласованных» друг с другом сущих и их разногласие с «субстанциональной сущностью

... бытия» с необходимостью продуцирует события. Событие возможно, поскольку Я не есть Другой и поскольку Я не есть то, что Я есть воистину.

Гетерогенность как источник событийности следует мыслить не в статическом, а в динамическом аспекте. В этом плане целесообразно опереться на положения Г. Гегеля о диалектичности ограничивающего себя Абсолюта. Определяя и, таким образом, ограничивая себя, Абсолют полагает себя как конкретное в своей противоположности. Бесконечное противоречит себе, чтобы себя определить, а конечное, само по себе являющееся определенным, становится бесконечным, определяя себя как свое иное [1, 159]. «Определенное как таковое не имеет никакой иной сущности, кроме абсолютного беспокойства не быть тем, чем оно является, оно не есть ничто, потому что оно есть само иное, и это иное также противоположно самому себе, оно вновь является первичным» [5, 31].

Итак, определенному существу свойственно «абсолютное беспокойство», которое должно быть осмыслено как глубинная онтологическая основа событийности. О чем же беспокоится конечное существо? В конечном счете о том, что оно не бесконечно. Оно есть «вот это», определенное, ограниченное, отрицательное, и, как таковое, оно неизбежно отрицается и заканчивается. С одной стороны, в событийствовании оно надеется сохранить и продолжить себя; с другой стороны, событийствование есть следствие столкновения многих «обеспокоенных» сущих.

Анализируя «Йенскую логику», Ж. Ипполит пишет: «Бесконечное, всеобщее, существует лишь в той мере, в какой оно отрицает само себя, оно включает в себя свое ограничение, свой раскол в себе самом. Всякое полагание является отрицанием, но это внутреннее отрицание, отрицание самого себя самим собой – таково значение спекулятивной категории ограничения» [1, 158].

По нашему мнению, событие есть тот способ, каким Бесконечное Абсолютное ограничивает себя внутри себя в сфере истории. Это разделение, ограничение (и оно же – полагание), этот раскол Абсолютного в себе самом, осуществляющийся в человеческой истории, есть событие.

Историческое событие обладает довольно сложной структурой. Оно представляет собой точку пересечения следующих противоположностей: 1) действительное – возможное; 2) прошлое – будущее; 3) необходимость – свобода; 4) детерминация – целеполагание; 5) сущее – должное. Стержневой здесь является третья пара противоположностей: в конечном счете, событие есть противоборство полюсов свободы и необходимости в деятельности человека. Событие представляет собой также единство воздействия и претерпевания человека в социальных обстоятельствах его жизни. Претерпевание – это воздействие на человека каких-либо факторов внешней среды, в первую очередь социальной. Воздействие – это его реакция на воздействие среды и изменение этой среды. Событие начинается как претерпевание и заканчивается как воздействие. Поэтому событие – это не просто единство, а переход претерпевания в воздействие.

Возможны два основных вида как воздействия, так и претерпевания: успех и неудача. Многочисленные промежуточные варианты в конце концов склоняются либо к успеху, либо к неудаче. Таким образом, если исходить из формальных критериев, то получим четыре основных разновидности событий: удачное воздействие, неудачное претерпевание, неудачное воздействие, удачное претерпевание. Как правило, в историческом процессе они связываются попарно: УВ – НП, НВ – УП. Особенно это имеет место в социальной истории, в истории культуры более распространенными являются не столь «симметричные» связи. Это элементарные и наиболее распространенные связи событий. Если события уподобить атомам истории, то элементарные связи событий – это как бы ее «молекулы». Наряду с элементарными связками событий в истории имеют место гораздо более длительные, сложные, многозвенные и разветвленные цепи событий. Собственно, всемирно-исторический процесс есть чрезвычайно многозвенная и многоуровневая, чрезвычайно разветвленная цепь событий, которая продолжается в будущее и, таким образом, является открытой и незавершенной.

Исследователей и просто любителей истории обычно интересует вопрос: наблюдаются ли в истории события и цепи событий, настолько сходные, что их можно считать повторяющимися вариациями одной и той же «событийной формы»? Мы полагаем, что такое сходство имеет место в истории. Необходимо лишь сделать оговорку, что исторические события никогда не повторяются, так сказать, «буквально». Во всех случаях следует говорить именно о вариативной повторяемости событий, об их большем или меньшем подобии, но никогда – не о полном, «стопроцентном» подобии. Сходство некоторых событий и событийных цепей настолько явно, что просто бросается в глаза. Так, похожи по структуре и смыслу попытки земельных реформ в древней Спарте, предпринятые Агисом и Клеоменом, и попытки земельных реформ в Древнем Риме, предпринятые Тиберием и Гаем Гракхами. Первый крестовый поход 1096-1099 гг. похож на Персидский поход Александра Македонского. Значительную степень сходства имеют различные революции Нового и Новейшего времени. Восстание украинцев против Польши под руководством Богдана Хмельницкого сходно с восстанием шведов против Дании под руководством Густава Вазы.

Могут сказать, что все эти сходства носят чисто внешний, поверхностный характер. Но, во-первых это не отрицает того, что сходства событий все-таки имеют место. Во-вторых, что по отношению к истории есть внутреннее и внешнее; что есть «глубинное» и «поверхностное»? Это просто метафоры, которые могут не отражать сути исторического процесса.

Обнаружение сходных между собой событийных структур в историческом процессе позволило сформулировать чрезвычайно важное для развертывания нашей концепции понятие событемы.

Не углубляясь в теоретические дебри, поясним

на примере, что такое событемы. В 415 г. до н. э. афинского полководца Алкивиада отозвали из Сицилии, чтобы судить по ложному обвинению. Алкивиад бежал в Спарту, которая в то время воевала с Афинами, после ряда перипетий возглавил афинский флот и вернулся в Афины в качестве верховного правителя. В 88 г. до н. э. Суллу сместили с поста командующего римским войском в войне против Митридата У1. Но Сулла не подчинился приказу сената, возглавил армию, вошел в Рим и отменил постановления сената. После окончания войны с Митридатом он уничтожил своих противников в Риме и провозгласил себя диктатором. В 49 г. до н. э. сенат приказал Цезарю сдать полномочия наместника Галлии. Цезарь не подчинился решению сената, с одним легионом вторгся в Италию и захватил власть в Риме.

Очевидно, что хотя детали событий и, так сказать, «персонажи», осуществляющие события, во всех этих случаях различны, общая структура данных событийных цепей и их общий смысл сходны. Мы имеем разные единичные события, но общую событийную фигуру, общую тему, единый способ протекания событий. Такие сходные фигуры исторического процесса, вмещающие в себя подобные по структуре и смыслу единичные события, мы называем «событемами».

Событемы – это как бы виртуальные «пустоты», «ниши», «резервуары» истории, которые заполняются единичными событиями. Событема – это возможность событий определенного типа. Она определяет, какие события могут, а какие не могут происходить в данное время и в данном месте. Событема как бы распределяет события по «пространству» мировой истории. Возможно, наилучшим образом для пояснения сущности событемы будет ячейка. С нашей точки зрения, история имеет ячейковую структуру. Если мы осознаем эти «ячейки» как структурообразующие элементы не только нашей индивидуальной жизненной деятельности, но и деятельности предшествующих и последующих поколений, то это и будут событемы.

В конечном счете, своей теорией событием мы хотим сказать следующее. Возможное не есть бытие. Если оно есть некоторая разновидность бытия, то оно структурировано. Прежде всего, в сфере возможного следует различать возможность вещей и возможность событий. Событемы есть не что иное, как основные классы возможных событий. Наряду с вычленением и классификацией событием весьма интересным было бы вычленить и классифицировать психологические типы исторических деятелей. Отталкиваясь от преобладания в структуре личности того или иного исторического деятеля способности к осуществлению определенного вида событий, можно было бы выделить своего рода «амплуа» наподобие: «завоеватель», «реформатор», «первооткрыватель», «узурпатор», «пророк» и т. п. Тогда всемирная история предстанет как сравнительно небольшой набор событием, заполняемых огромным множеством событий, производимых огромным количеством исторических деятелей, сводящихся к сравнительно небольшому числу историко-психологических типов.

Осуществление этой задачи знаменовало бы становление новой научной дисциплины – структурной истории. Следует пояснить, что под структурной историей мы понимаем вовсе не то, что в современной социальной философии называется «историей структур». История структур изучает те структурообразующие элементы социального устройства, о которых мы говорили выше. Структурная же история, которую мы предлагаем разработать, будет изучать как закономерности структуры единичного события, так и закономерности структуры больших и малых событийных цепей. По нашему мнению, оппозиция «события – структуры» является ложной. Следует осознать не только внутреннюю, скрытую событийность социальных структур, но и структурированность исторических событий.

Назревает вопрос: для чего нужны события? Каковы их функции в социальной жизни? Не лучше ли было бы обойтись без событий?

На первый взгляд, события несут с собой скорее зло, чем добро. Еще Ж.-Ж. Руссо заметил, что наиболее часто в истории происходят такие события, как войны, заговоры, казни и т.п. И он полагал, что лучше было бы человечеству обойтись без истории. Если мы пополним список Руссо революциями, восстаниями, массовыми репрессиями и т.п. событиями, которыми буквально переполнена мировая история, то не будет ли разумным со стороны поумневшего человечества объявить своего рода «мораторий на события»? Долой события! Событиям объявляется забастовка!

Но мы обнаруживаем, что события несут в мир не только зло, но и благо. Открытия, изобретения, создание шедевров литературы и искусства, строительство городов, тоннелей, дорог, храмов и дворцов, этапы установления все более гуманного социального порядка, – все это примеры исторических событий. И на уровне повседневной жизни обычного человека события несут не только зло и страдания, но благо и счастье. Знакомства, встречи, свидания, создание семьи, рождение детей, продвижение по службе, узрение смысла жизни, – все это события, хоть в масштабах мировой истории выглядящие незначительными, но в индивидуальной жизненной судьбе зачастую решающие, определяющие жизненный путь человека на многие годы и десятилетия. Как бы там ни было, именно события продвигают нас на новый уровень развития. И это относится как к индивиду, так и к обществу в целом.

Современный человек, как правило, боится грандиозных исторических событий, происходящих, так сказать, в непосредственной близости от него. И он не хочет нести ответственность ни за какие события. Безусловно, современного человека можно понять. XX век напугал его беспрецедентным размахом событийных катаклизмов: две мировых войны, множество революций, концлагеря, взрывы атомных бомб и последующая ядерная угроза, распад колониальных империй и т. д., и т. п. Эти события тем более травмировали душу современного человека, что в его мировоззрении выросла ценность отдельной человеческой жизни.

Также смысловые ориентиры современной ментальности во многом определяются феноменом «ужаса истории». Этим метафорическим концептом М. Элиаде обозначил состояние души современного человека, утратившего трансисторический, сотериологический смысл событий. Фундаментальной причиной такой утраты следует признать процесс десакрализации мира в общественном сознании Нового и Новейшего времени.

Так может, действительно, спасение заключается в отказе от «делания истории»? События больше не нужны, пора поставить точку в затянувшемся сюжете исторического событийствования. Характерным примером подобного умонастроения может служить резонансная концепция «конца истории», выдвинутая Ф. Фукуямой.

Мы думаем, что если человечество выберет этот путь, оно совершит непоправимую ошибку. Человечеству ни в коем случае не следует отказываться от продолжения истории. Несмотря на риск, несмотря на возможность новых катаклизмов и даже трагедий, человечеству следует продолжать событийствовывать. При изучении истории бросается в глаза следующая картина: эпохи наиболее выдающихся культурных достижений, как правило, как бы «обрамлены» очень интенсивной социально-политической и военной событийностью. Культурный расцвет Афин эпохи Перикла начинается после отражения персидского нашествия, а заканчивается Пелопоннесской войной. Период Высокого Возрождения в Италии хронологически почти полностью совпадает с Итальянскими войнами между Францией и Испанией. «Золотой век» русской культуры начинается после отражения Наполеона, а наступивший вслед за ним «Серебряный век» завершается Первой мировой войной и Октябрьской революцией. Если подобное положение дел неоднократно наблюдалось в прошлом, то, скорее всего, перед нами закономерность. И вполне возможно, что данная закономерность будет работать и в будущем. А это значит, что если человечество перестанет производить события, то, в конце концов, оно попросту деградирует.

Разумеется, последний вывод выглядит весьма спорным, если не сказать «рискованным». Конечно, он вызовет массу возражений. Могут сказать:

«Позвольте! Если для интенсивного творчества в сфере духовной культуры необходимы достаточно масштабные социальные катаклизмы, то значит ли это, что следует устраивать войны, революции и всячески нагнетать социальную напряженность? Человеческая жизнь выше каких бы то ни было культурных ценностей! Мы лучше обойдемся без творчества, но будем жить в спокойном и гуманном мире». Вообще-то, на наш взгляд, спорно, что человеческая жизнь выше культурных ценностей, но не будем разочаровывать читателей нашим кажущимся антигуманизмом. Единственным разумным выходом из данной ситуации нам представляется разработка и принятие человечеством неких «правил исторического событийствования». Человечество должно наложить строжайшее «табу» на некоторые виды и способы осуществления событий. И оно должно достичь полного консенсуса в этом табуировании. Человечеству ни в коем случае не следует прекращать осуществлять события, ему следует научиться осуществлять их по-новому.

Есть еще одна причина, по которой мы так дорожим длением исторической событийности. Человечество есть часть планеты Земля, Земля – часть Солнечной системы, Солнечная система – часть Вселенной. Человечество вписано во Вселенную. Но это означает, что история человечества вписана в историю Вселенной. И она не просто вписана: история человечества является продолжением истории Вселенной. Мы полагаем, что история человечества стала не просто планетарным – она стала космическим фактором. Через человека как бы продолжается Вселенная. Как говорит выдающийся французский мыслитель и ученый XX в. П. Тейяр де Шарден: «Человек – не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее» [4, 142]. Но если это так, то на человека ложится груз ответственности, так сказать, за судьбу эволюции. Событийствуя, человек осуществляет, не побоимся этого слова, вселенскую миссию: продолжать историю Вселенной и тем самым отодвигать конец света. Homo eventualis (человек событийный) оказывается как бы основным осуществителем возможностей Вселенной на современном этапе ее развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ипполит Ж. Логика и существование. Очерк логики Гегеля /Ж. Ипполит; пер. с франц. В. Ю. Быстрова. – СПб.: «Владимир Даль», 2006. – 320 с.
2. Нанси Ж.-Л. Неожиданность события /Ж.-Л. Нанси // Бытие единичное множественное / пер. с фр. В. В. Фурс; под ред. Т. В. Щитцовой. – Минск: Логвинов, 2004. – С. 235-260.
3. Нанси Ж.-Л. О бытии единичном множественном /Ж.-Л. Нанси // Бытие единичное множественное / пер. с фр. В. В. Фурс; под ред. Т. В. Щитцовой. – Минск: Логвинов, 2004. – С. 13-154.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: сб. очерков и эссе /П. Тейяр де Шарден; [пер. с фр. О.С. Вайнер и др.]; сост. и авт. предисл. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2002. – 553, [7] с.
5. Hegel G. W. F. Jenenssen Logik, Metaphysik und Naturphilosophie / G. W. F. Hegel, Ed. Lasson. – Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1923. – 541 s.